

Н.С. Розов¹

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ: ЛИНИИ ДЕМАРКАЦИИ И ТОЧКИ РОСТА²

Восхищаюсь умением участников нашей дискуссии представлять неординарные формулировки, чеканные абстрактные максимы и парадоксальные ходы мысли. Поскольку на этом поприще мои возможности невелики, возьму на себя роль поборника простых истин и систематического подхода к постановке и решению проблем.

Философия и наука

Для выяснения отношений между социальной философией и смежными философскими и научными дисциплинами нужно вначале определить, что мы понимаем под философией, чем она отличается от науки, какие взаимосвязи между смежными философскими и научными дисциплинами.

Философию я понимаю как сферу мышления, направленную на поиск (построение, обсуждение, критику) предельных оснований любых суждений, а также на построение целостной и осмысленной картины мира. Данная дефиниция показывает беспочвенность упований и опасений относительно «конца философии». Направленность философии внутренне противоречива: стремление к более глубоким основаниям подрывает возможности построения целостной картины мира, а любые попытки такую картину построить неизбежно вызывают критику оснований.

Здесь следует согласиться с проф. К.С. Пигровым, когда он говорит о порыве к предельным основаниям, но это стремление свойственно отнюдь не только социальной философии, а философии вообще.

Есть другая, скандально простая дефиниция, принадлежащая Р. Коллинзу: философия есть обсуждение наиболее абстрактных и общих вопросов. Иными словами, обсуждая любую область и двигаясь к большей аб-

¹ **Розов Николай Сергеевич** – доктор философских наук, профессор философского факультета Новосибирского государственного университета (НГУ), ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения РАН, известный специалист в области социальной философии и философии истории. Составитель и научный редактор Альманаха современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций «Время мира», научный редактор серии коллективных монографий «Теоретическая история и макросоциология». Автор монографий и учебных пособий, в т.ч. «Структура цивилизации и тенденции мирового развития» (1992), «Культура, ценности и развитие образования» (1992), «Философия гуманитарного образования» (1993), «Ценности в проблемном мире. Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии» (1998), «Начала рациональной философии образования» (6 выпусков: 1997-2001), «Философия и теория истории» (в 2002 г. вышла первая книга «Пролегомены»).

² Опубликовано в: *Личность. Культура. Общество*. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16).

страктности и/или общности, мы в какой-то точке непременно приходим к философии. Любопытно, что оба определения в некотором смысле эквивалентны: двигаясь в сторону большей абстрактности, мы приходим к тем или иным предельным основаниям, а двигаясь к большей общности, мы приходим к той или иной картине мира.

Наука также является сферой мышления, но она направлена либо на получение, проверку, взаимоувязку и описание фактов (эмпирическая наука), либо на построение, проверку и синтез теорий (теоретическая наука), либо на систематическое использование эмпирических и теоретических знаний в постановке и решении практических задач (прикладные науки: технические, медицинские, управленческие и др.). Каждая наука соотносится с так или иначе ограниченной предметной областью; в науке исследователи действуют согласно более или менее устойчивым методологическим стандартам обоснованности, достоверности и т.п.

Разграничение философии и науки нам понадобится позже при различении социальной философии и теоретической истории.

Предмет социальной философии

Известно, что каждый кулик свое болото хвалит. Для логика вся философия — это логика, для гносеолога — теория познания, для теоретика ценностей — аксиология и т.д. Будем скромнее. Здесь я поддерживаю проф. К.Х. Момджяна в его призыве к «минимуму амбиций и максимуму трезвомыслия». Социальная философия есть часть философии, причем отнюдь не высшая, не главенствующая и даже не независимая. В любых самых оригинальных социально-философских концепциях всегда присутствуют более общие идеи онтологического, гносеологического или ценностного характера. Здесь я никак не могу согласиться с уважаемым проф. В.Е. Кемеровым, который пытается дискредитировать общую, или чистую, философию, лишить ее права на существование. Вместо отстаивания исключительности или всеобъемлющего могущества своей дисциплины социальным философам следует более точно застолбить свою законную область.

Такой областью является социальное бытие, или социальная действительность. Под этим подразумевается все, относящееся к существованию и взаимодействию разумных существ. Социальность, сообщества, социальные взаимодействия и социальные процессы есть и у животных, но традиционно в поле интереса социальной философии эта сфера не попадает (может быть, напрасно). Совмещая данные дефиниции, получаем, что социальная философия есть сфера мышления, направленная на поиск (построение, обсуждение, критику) предельных оснований суждений, касающихся существования и взаимодействия разумных существ в мире, а также на построение целостной и осмысленной картины мира в этом аспекте. Учитывая, что никаких разумных существ, кроме людей, нам неизвестно, и пользуясь более простой и элегантной версией, получаем: социальная фи-

лософия есть обсуждение наиболее общих и абстрактных вопросов о существовании и взаимодействии людей.

Заметим, что здесь речь не шла ни об обществе, ни о социуме (как это было привычно в эпоху истмата, но перекочевало и в настоящую дискуссию). Дело в том, что в область интересов социальной философии попадает весь континуум макро-микро, где общество является лишь одним уровнем целостностей, наряду с малыми и большими группами, поселениями, странами, провинциями, миросистемами, мировыми регионами, ойкуменами, цивилизациями и т.д.

Как я понимаю структуру социальной философии

Я поддерживаю кантовский тезис о трюичности философии. Только вместо логики, физики и этики следует говорить о гносеологии, онтологии и этике/аксиологии. Речь здесь идет о фундаментальных границах между типами оснований: есть познавательные основания (как правильно познавать), есть онтологические (что существует) и есть аксиологические (что ценно, или должно).

Социальная философия уступает в абстрактности гносеологии (равно эпистемологии, различия между ними либо надуманны либо несущественны), онтологии и этике/аксиологии. Она же включает проекции этих более абстрактных областей в качестве своего наиболее общего, «чистого», фундаментального уровня. Соответственно, здесь следует говорить о социальной эпистемологии (она же «философия и методология социального познания»), о социальной онтологии и о социально-философских аспектах этики/аксиологии. Последний блок как раз и представляет ту «нормативность», о которой говорит проф. К.С. Пигров. Однако в отличие от него, я вполне признаю возможность и осмысленность построения ненормативного социально-философского знания (например, построения социальной онтологии или обоснования метода социального познания).

Следующий слой социальной философии, по моему мнению, представляет философия истории. Она менее абстрактна, чем вышеупомянутые области социально-философского знания. При этом философия истории в некотором смысле «покрывает» тематику нижележащих более частных социально-философских дисциплин, как-то: философия политики, философия права, философия образования, философия культуры, философия техники, философия управления, философия медицины и т.д. Каждая из этих сфер имеет историю, соответственно, имеет свои основания в области философии истории.

Итак, получаем следующую, достаточно прозрачную, простую и удобную в использовании схему.

Соотношение социальной философии, теоретической социологии и социальной теории

Социология изучает людей, их характеристики, сознание и поведение в аспекте взаимодействия. Предметные области социологии и соци-

альной философии во многом совпадают. Эмпирическая («конкретная») социология легко выделяется, поэтому далее будем говорить только о теоретической социологии. Ее различие с социальной философией касается подхода, а не предмета. В одном случае ведется поиск предельных оснований суждений о социальных взаимодействиях и построение целостной картины социального мира, в другом случае строятся теории, объясняющие и предсказывающие поведение людей в социальном мире (мире взаимодействий с другими людьми).

На абстрактном уровне все ясно, но в приложении ситуация оказывается отнюдь не простой. Как определить статус той или иной концепции (например, суждения Маркса о формациях и классовой борьбе, представления Вебера об идеальных типах, социальном действии и бюрократии и т.д.)? Я бы предложил два операциональных критерия: уровень общности и познавательную направленность. Суждения, претендующие на всеобщность (например, история человечества структурирована сменой формаций, социальное познание ведется через построение идеальных типов и сопоставление с ними реальных) имеют социально-философский статус. Суждения, имеющие ограниченную область приложения (тезисы о капиталистической формации или об идеальном типе европейского города), следует считать социологическими.

Далее, направленность рассуждений на обобщение, обоснование, целостность следует считать социально-философской, тогда как направленность на получение проверяемого закона, выявление механизма или закономерности является социологической.

Демаркация социальной философии от теоретической истории вовсе не означает их предзаданной несовместимости. Напротив, их взаимодействие и взаимообогащение представляются наиболее перспективным направлением в мышлении. В этом аспекте «социальная теория» (Ю.М. Резник), или «теоретическое обществознание» (К.Х. Момджян) представляются не чем-то отдельным от социальной философии и теоретической социологии, но скорее маркером для обозначения всего философски и теоретически ориентированного социального познания.

Социальная философия не характеризуется какой-то особой «антитечностью» (К.С. Пигров), отличающей ее от других философских или научных дисциплин. Различия, конфликтность и даже непримиримость позиций и подходов есть везде, где имеется реальное живое мышление.

Философская антропология, наука антропология и «антропологический поворот» в социальной теории

При центрации внимания на взаимодействия и социальные процессы получаем социологию, при центрации внимания на разнообразие человеческих качеств и человеческого поведения — антропологию как науку. Философская антропология, как она представлена в трудах Дильтея, Плеснера, Шелера, Бердяева, Ортеги-и-Гассета и др., представляется мне

крайне сомнительным предприятием, поскольку пытается игнорировать реальное разнообразие людей и выявить некое фундаментальное единство человеческой природы, как будто не зависящее от социального окружения. При признании такой зависимости философская антропология сразу становится социальной философией.

Мне не совсем понятна суть «антропологического поворота», к которому призывает проф. Ю.М. Резник. Однако в его речи я вижу неправомерное смешение философской антропологии и науки антропологии. По сути дела, прикрываясь авторитетом антропологии как науки (социальной, культурной, политической антропологии), социальную теорию он подталкивает в объятия философской антропологии с ее учениями о некоем таинственном «деструктурном бытии», о внесоциальной свободе, об универсальном «самоделании» и т.д.

Я считаю, что социальную философию вовсе не нужно «поворачивать к человеку», человек и так всегда в центре ее внимания. При этом социально-философский подход не обожествляет и не мифологизирует «вечную сущность человека», но учитывает реальное разнообразие человеческих качеств, тесно связанное с разнообразием социальных и культурных форм, техноэкологических режимов и проч. В этом смысле подход социальной философии вполне гармонично объединяется с подходом антропологии как науки, изучающей именно эти разнообразия, но противостоит философской антропологии со всеми ее мифами.

Проверенные научные теории как фундамент социально-философского знания

Вначале я хотел бы поддержать здесь большинство тезисов проф. К.Х. Момджяна, особенно касающихся защиты субстанционального, эссенциалистского, структурного, ориентированного на союз с наукой социально-философского подхода.

Следует согласиться также с призывом, адресованным социальным исследователям, стремиться к установлению хотя бы минимального консенсуса, прекратить бесконечное дробление концепций, подходов и парадигм, пытаться синтезировать модели и аккумулировать знания.

Призывы останутся только призывами, если не сменится мотивация исследователей, которая в свою очередь зависит от социальных условий, критериев интеллектуального престижа и открывающихся возможностей в мышлении. На сегодняшний момент престижно стать автором нового направления в общественном знании, поэтому мы и получаем инфляцию подходов и подходов, пресловутую фрагментацию.

Если научное сообщество примет иной критерий престижа, например, получение обоснованных результатов, которые продуктивно используются в серии новых исследований, то ситуация изменится.

В философии вообще, и в социальной философии в частности, критическим вопросом является критерий самой обоснованности. Здесь же я

предлагаю такой ход. Философские суждения и концепции (прежде всего, онтологические и эпистемологические) оцениваются в соответствии с их эвристичностью по отношению к построению объяснительных и предсказательных теорий. Иными словами, из научного суждения нельзя вывести философское, зато философское суждение можно оценить, исходя из того, что хорошая наука (проверенная теория с большой объяснительной силой) делается только на основе хорошей философии.

Я хотел бы закончить свою речь метафорой. Социальная философия стоит на перепутье. Две главные стратегии могут быть названы «путь мутной воды» и «путь чистой воды». В первом случае неразбериха и хаос в общественном знании — это мутная вода, в которой социальный философ, мнящий себя оракулом или постмодернистом, может ловить свою рыбу: критиковать все и вся и проповедовать свои истины, как свежие, так и не очень. Во втором случае хаотическая ситуация в общественном знании — то, что необходимо структурировать, прояснить и упорядочить. «Расчистка поля» осуществляется через критику и обновление оснований, т.е. типично философскую работу. Только сквозь чистую воду социальный философ находит золото проверенных научных истин и с его помощью выстраивает свой образ мира.

Я рад, что при всех различиях взглядов, участники настоящего обсуждения (как мне представляется) придерживаются, скорее, «пути чистой воды», а ценность дискуссии как раз и заключается в прояснении того, какие есть основные позиции в современной социальной философии России.